

Лукас едва не прослезился. Здоровяк ростом почти метр девяносто стоял посреди роскошного, оживленного ресторана, и в его зеленых глазах стояли слезы. Зрелище было поистине абсурдным.

— Уважаемый гость, что изволите заказать? — приветливый голос трактирщика вернул его в реальность. — Наш ресторан «Руи» — самый знаменитый в Чанъани. Здесь есть всё: от птиц в небе до рыб в море! Чего ни пожелаете — всё приготовим! А фирменные блюда нашего заведения — это просто восхищение: пареные мохнатые крабы, лотос с медом и османтусом, свиная рулька в кисло-сладком соусе, да вдобавок графинчик выдержанного «Цююэбай»! Уж поверьте, вы отведаете всё от души!

Сегодня вдобавок выступает красавица Юйцинь из Палаты музыки и танцев, будет играть на пипе, так что вы просто обязаны это услышать!

Трактирщик был оживлен и воодушевлен, он жестикулировал на ходу, сыпля словами, как из горохового мешка, — быстро и гладко.

Самое невероятное заключалось в том, что Лукас понял каждое слово. И это при том, что его познания в китайском языке ограничивались дежурными фразами вроде «привет», «ты поел?» и «в сеть идешь?».

Очевидно, восприятие языков в игровом мире было адаптировано, и чистокровный иностранец Лукас не испытал ни малейших затруднений.

Наевшись и напившись досыта, Лукас продолжил движение вместе с потоком людей и наконец добрался до главной площади перед храмом Таймяо. Внезапно в небо взвился огненный дракон, ослепительные языки пламени вырвались наружу, заставив окружающих испуганно отпрянуть назад, после чего люди разразились громким смехом. В зареве пламени началось грандиозное ночное гуляние в честь праздника Цзяхуа в Чанъани. В ночном небе распустились великолепные фейерверки, озарив всё вокруг ослепительным сиянием, и десятки тысяч бумажных фонариков взмыли ввысь, превратившись в мириады звезд. Платя танцовщиц хусюань скользнули по лицу Лукаса, принеся с собой волны экзотических ароматов, а их звонкий смех заставлял сердце учащенно биться. На самом возвышении прекрасная, несравненная наложница перебирала струны пипы, и на ее округлом, безупречном лице то отражалась легкая грусть, то вспыхивала радость. Звуки пипы проникали в самые глубины души, напоминая жемчужины разного размера, падающие на нефритовое блюдо.

Ее наряд — словно облака, лицо — как цветок, весенний ветер ласкает балюстраду, увлажненную каплями росы.

Если не прелестная царица цветов, то кто же сможет их так растопить? И на них с улыбкой смотрит сам государь.

Строки поэта Ли Тайбао из эпохи Тан неожиданно ожили прямо в игре.

Это же была несравненная Ян Юйхуань!

Лукас не смел даже моргнуть.

Когда видение растаяло и все вернулись в игровой зал, они еще какое-то время стояли на месте, потрясенные и не желающие отпускать пережитое. Образы из глубины сознания глубоко тронули их. Изысканная еда с великолепным ароматом и вкусом, чарующие звуки пипы и прекраснейшая женщина эпохи Тан, символ процветания великой династии — каждая сцена, каждый кадр намертво врезались им в душу. Это был отпечаток под названием Великая Тан.

В отличие от отборочного тура, полутрансляция полуфинала велась в прямом эфире на большом экране, так что зрители по всему миру могли наблюдать за происходящим внутри игры. Пока зрители в зале еще не успели прийти в себя, лента обсуждений в окне трансляции уже неслась с невероятной скоростью. Экран был плотно усыпан сплошными комментариями — данью, из-за чего сервер чуть не завис.

— Это же наше великое Танское царство! Придя в себя, я чуть не расплакался, кто-нибудь понимает?! Это наше Танское царство!

— Спасите меня, спасите! Шэнь Сицзэ просто гений, я приношу извинения за всё, что сказал после отборочных, я сам себе даю пощечину! Шэнь Сицзэ — круче всех!

— Я тоже хочу играть! Глядя, как они входят в игру, я зеленею от зависти, я тоже хочу побывать в эпохе Тан! Ян-гуйфэй такая красавица!!!!

— Я уже сыграл, и теперь не хочу разговаривать с теми, кто в это не играл. По правде говоря, Шэнь Сицзэ невероятен, он просто гений уровня небожителей. В отборочных я думал, что он просто воссоздает чужую игру, но я никак не ожидал, что он воссоздает целую династию Тан. Теперь я слепой фанат Шэнь Сицзэ!

Будучи периодом наивысшего расцвета и процветания древнекитайского общества, эпоха Тан навсегда осталась в сердцах китайцев неизгладимой тоской и глубоким культурным фундаментом. Процветающая поэзия, открытая и могущественная страна, а главное — легендарная история любви императора Тан Минхуана и наложницы Ян. Великая Тан была одновременно и недостижимой белой луной, и незаживающей алой точкой на сердце.

Никто не ожидал, что для полуфинала Шэнь Сицзэ представит работу под названием «Великая Тан».

«Великая Тан» не только вызвала бурные обсуждения в Хуаго, но и подняла небывалую волну популярности по всему миру.

— Кто-нибудь знает, кто эта прекрасная дама? Это просто красивейшая женщина из всех, что я видел!

— Только что изучил историю Хуаго, не могу поверить, что такую красавицу заставили покончить с собой в Мавэйпо? Ее мужчина просто ничтожество.

— Сыграв в эту игру, я собираюсь влюбиться в историю Хуаго!

Жители Хуаго и сами не ожидали, что их собственная история однажды выйдет на мировой уровень в таком формате — это же чистой воды культурный экспорт!

Старик Ду Цикан, находясь далеко в Хуаго, с влажными от слез глазами смотрел на сидевшего в инвалидном кресле внука на видео и утирал слезы. Настоящий потомок семьи Ду: в какой бы точке земли он ни находился, какие бы испытания ни перенес, он всегда будет твердо помнить, что он — китаец.

Пейзажи Великой Тан исчезли, и всех вернули в реальный мир. На широкой сцене Шэнь Сицзэ по-прежнему сидел в инвалидном кресле с легкой, беззаботной улыбкой на лице, словно ничто в мире не могло лишить блеска его прекрасные глаза. Он слегка улыбнулся:

— Источником вдохновения для этой игры послужила эпоха Великой Тан — самый яркий период в истории Хуаго и моя личная любимая династия, поэтому игра и называется «Великая Тан». Сегодня я показал вам лишь один из ее игровых фрагментов.

Наступил этап судейских оценок. Эрик без малейших колебаний поставил высший балл, а Лукас больше не демонстрировал прежнего высокомерия и пренебрежения — сменив гнев на милость, он расточал похвалы и тоже щедро отсыпал максимальный балл. Остальные судьи также были покорены игрой: как визуальное оформление, так и сюжетная концепция оказались безупречны. Вернее сказать, игра превознесла исторические триумфы на прочном фундаменте реальности, а персонажи выглядели точь-в-точь как живые. Зрительные, слуховые, обонятельные и вкусовые ощущения — всё было доведено до абсолютного предела. Это был заслуженный триумф вне всяких конкуренции!

И вновь люди запомнили лишь «Великую Тан». Никто уже не помнил, как выглядела игра, принесшая Шэнь Сисюю высокие баллы перед показом работы Шэнь Сицзэ. Шэнь Сисюй стоял посреди безумствующей толпы, весь трепеща от ярости. Его мрачный, полный зависти взгляд был устремлен на Шэнь Сицзэ, напоминая ядовитую змею, выпускающую жало.

Как столь сложная игра могла быть создана Шэнь Сицзэ в одиночку?

По сравнению с «Великой Тан» его собственная игра казалась просто жалкой шуткой. Вспомнив, как Шэнь Сижуй с пеной у рта уверял его, что всё пройдет гладко, Шэнь Сисюй искажился от гнева. Он не желал мириться с поражением, не хотел отдавать Шэнь Сицзэ всю причитающуюся ему славу! Если бы тот вообще не участвовал в конкурсе и не привез свои

работы, все эти аплодисменты и восторги достались бы только ему одному!

Шэнь Сисюй вышел из выставочного комплекса и снова набрал чей-то номер. Его голос звучал холодно и властно:

— К финалу я не могу проиграть снова. Иначе можешь распрощаться со своими руками.

На том конце провода сначала испуганно затаили дыхание, а затем слабо отозвались:

— Хорошо.

«Великая Тан» вновь подняла невиданную бурю.

Если прошлые «Возвращение на остров Фейер» еще вызывали у многих сомнения и вопросы, то нынешняя «Великая Тан» прокатилась по всему интернету с абсолютным перевесом. В конце концов, многие блогеры, с пеной у рта доказывавшие, что всё это обман, спешно выкатили посты с признаниями и извинениями, заявляя, что это самая невероятная игра из всех, в которые они играли, и выкладывая скриншоты со своими приключениями в игре — с картинками и неопровержимыми доказательствами.

Шэнь Цзюаню потребовался целый час, чтобы забрать человека домой и выбраться из выставочного центра: повсюду толпились люди, перекрывавшие все проходы и плотным кольцом окружившие их. Когда они вернулись в особняк, то увидели молча ожидающего неподалеку секретаря, которого давно не было видно. Открывая дверцу машины, тот произнес:

— Босс, Шэнь Сисюй только что выходил на связь, хотел с вами поговорить.

На лице Шэнь Цзюаня промелькнуло отвращение:

— Не обращай внимания.

На следующий день Шэнь Цзюань отправился на работу в компанию, и Шэнь Сицзэ увязался следом.

Теперь сотрудники компании Шэнь Цзюаня уже знали Шэнь Сицзэ в лицо и провожали его полными благоговения взглядами.

Бай Цици сидел в кабинете Шэнь Цзюаня: пока красивый мужчина был поглощен делами, сам он ковырялся в компьютере. Время от времени сюда заглядывали важные топ-менеджеры и акционеры, и при виде его лица на них неизменно запечатлевалось изумление.

Завершив видеоконференцию, Шэнь Цзюань взял парня на руки и перенес из инвалидного кресла. Их тела соприкоснулись, и между ними пробежал легкий электрический разряд.

Их взгляды встретились, и в воздухе словно что-то незаметно изменилось.

В этот момент секретарь постучал в дверь и доложил Шэнь Цзюаню:

— Босс, пришел Шэнь Сисюй.

Бай Цици слегка приподнял голову от экрана ноутбука, издал удивленное «о», его темные глаза блеснули, и он предельно любезно произнес:

— Похоже, у младшего брата есть о чем поговорить с дядей. Пожалуй, я пока выйду.

Шэнь Цзюань невольно окинул Шэнь Сицзэ глубоким взглядом: теперь он снова называет его дядей?

Шэнь Цзюань уже собирался сказать, что уходить не нужно, но Шэнь Сицзэ остановил его. Бай Цици моргнул:

— Раз уж младшему брату нужно о чем-то пошептаться с дядей, я не стану мешать.

Шэнь Цзюань беспомощно и с усмешкой потер лоб, усадил его в комнате отдыха, оставив в дверях узкую щель, и лишь после этого холодно произвел:

— Пусть войдет.

Войдя, Шэнь Сисюй сразу увидел Шэнь Цзюаня, работающего за письменным столом. Тот уже давно не носил очки в золотой оправе — доставал их лишь изредка, когда баловал Шэнь Сицзэ. Сейчас он был без очков, не скрывая давящую ауру и излучая такую свирепую властность, что в радиусе пяти метров вокруг него никто не смел повысить голос.

Шэнь Сисюй смутно догадывался, что происхождение Шэнь Цзюаня непростое, а когда он вошел в залитое золотом офисное здание, его и вовсе охватил минутный трепет. Только попав сюда, он смутно осознал, что клан Шэнь, к которому принадлежал Шэнь Цзюань, возможно, во много раз превосходит Корпорацию Шэнь. В его душе зародилось скрытое ликование: Шэнь Цзюань ведь раньше так сильно любил его! По сравнению с калекой Шэнь Сицзэ, почему бы не выбрать его?

При этой мысли Шэнь Сисюй шагнул вперед и подобострастно заговорил:

— Дядя, давно не виделись! Почему вы даже не звоните обычно? Я так по вам скучал.

Бай Цици, прислушивающийся к словам Шэнь Сисюя через щель в двери комнаты отдыха, чуть не задохнулся от омерзения. Лицо его потемнело, он едва слышно фыркнул, а в красивых глазах промелькнуло раздражение.

Словно уловив это недовольство, Шэнь Цзюань бросил в его сторону успокаивающий, глубокий и нежный взгляд, после чего бесстрастно уставился на Шэнь Сисюя:

— Не примазывайся к родственникам. У меня с твоим отцом нет ни капли общего крови. Зачем приперся?

Шэнь Цзюань не оставил ему ни малейшего шанса на вежливость, прямо ткнув носом в цель визита, отчего у Шэнь Сисюя запылало лицо.

Он никак не ожидал, что Шэнь Цзюань окажется столь беспощаден. Его обуревало дикое чувство несправедливости: Шэнь Сицзэ всего лишь калека, чем он заслужил такое внимание со стороны Шэнь Цзюаня?

<http://bllate.org/book/20888/2111740>